

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

И.И. Орлик

Центр политических исследований
Институт экономики РАН
Ул. Новочеремушкинская, 46, Москва, Россия, 117333

В статье рассматриваются основные этапы возникновения «евразийства», исследуются взгляды его основателей, а также отношение евразийцев к национальной политике СССР. Особое внимание уделено концепциям «неоевразийства» – попыткам возродить евразийские идеи и дополнить их новыми оригинальными взглядами.

Ключевые слова: евразийство, Россия, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.И. Вернадский, неоевразийство.

В драматическое для России время – в начале 20-х гг. прошлого столетия, – когда шла кровопролитная продолжительная гражданская война, а судьба Российского государства была очень неопределенной, небольшая группа русских интеллектуалов – профессора университетов, писатели, публицисты, бежавшие или насильственно изгнанные со своей родины, задумались над будущим России и попытались обосновать главные принципы обустройства страны. Так родилась евразийская идея. Это были не дилетанты, не политические доктринеры, предающиеся пустому фантазированию без каких-либо весомых аргументов. Нет, это были «люди, прошедшие научную школу, владевшие искусством изощренного анализа» (1).

Зарождение идеи. Евразийскую идею выдвинули представители русской интеллектуальной элиты, но не в России, а за рубежом, в эмиграции. В отличие от тех, чьей целью была борьба за свержение советской власти (2), небольшая группа русских интеллектуалов поставила перед собой задачу не только осмыслить произошедшие в их стране глубокие перемены, но и попытаться определить возможное будущее России, ее место и роль в мировом развитии.

Они обосновались в Праге, Софии, Белграде, Париже и Берлине. В начале 20-х гг. XX в. экономист-географ Петр Николаевич Савицкий и фило-

соф Николай Сергеевич Трубецкой в Праге стали основателями идейного течения, вскоре получившего название «евразийство». Признанными идеологами евразийства стали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, В.П. Никитин, Б.Н. Ширяев, В.Н. Иванов.

В течение 20-х гг. евразийское движение распространилось в ряде европейских стран, не получив при этом какого-либо четкого организационного оформления. Однако влияние его идей становилось все более широким. Этому способствовали публикации книг в Праге, Париже и Берлине, а также привлекавшие большое внимание евразийские конференции, проводившиеся в трех вышеназванных столицах и в Софии. Одновременно издавался сборник «Евразийский временник» (9 выпусков за 1922–1929 гг.).

По мере расширения евразийского движения происходила его дифференциация, а в ряде случаев переход его сторонников на жесткие политические позиции борьбы с советским строем. Резкая политическая поляризация привела в конце 20-х гг. к расколу евразийского движения. Его центр переместился в Париж, где под руководством Л.П. Карсавина с 1927 г. начал действовать «Евразийский семинар» и издаваться газета «Евразия». Раскол в редакции «Евразии» привел к фактическому прекращению деятельности евразийского движения. Один из его основателей Н.С. Трубецкой в письме в редакцию от 31 декабря 1928 г. «с прискорбием» отмечал «факт раскола», признавал невозможность восстановить внутреннее единство и равновесие евразийства и заявлял о своем выходе из газеты «Евразия» и из евразийской организации. И только в Праге в 30-е гг. XX в. сохранилась евразийская группа ученых, не связывавших свою деятельность с политическими целями.

Евразийство как сумма идей сложно по своему содержанию. Не случайно евразийцы называли свое учение системой, сформированной на основе комплексного подхода. Хотя критики евразийцев, прежде всего их «соседи» по Праге А.А. Кизеветтер и П.Н. Милуков, не признавали их учения, считая его проявлением «расистской идеологии», «максимализмом» (3).

Истории возникновения евразийства как научного идейного течения посвящены многие работы отечественных историков и философов (4). Их оценки евразийства заслуживают специального исследования. Нас же интересует суть евразийства, его главные концепционные установки, которые могут представлять интерес для определения возможности их использования и применения к анализу проблем евразийского пространства в XXI в. Вот лишь некоторые главные положения концепции евразийства. Ее основатели считали, что в течение нескольких веков пространство России, ее территория увеличивалась за счет «органического расширения в Азии» (5). А Московское государство, выросшее из Северо-Восточной Руси, стало объединителем евразийского мира, приняв культурно-политическое наследие монголов. Отсюда и вывод, что русский народ – это «особый этнический тип, сближающийся как с азиатским, так и с европейским».

По мнению П.Н. Савицкого, культура России не является ни полностью европейской, ни одной из азиатских. В ней нет механического соединения элементов той и другой. Это срединная, евразийская культура, первенствующую роль в которой играют великороссы. Границы Евразии совпадают с границами Русской империи. Евразия – особая часть света, особый континент, «некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий» (6). И далее: «Евразийская культура связана с другими культурами, но азиатские культуры ей ближе». «Русский мир евразийцы ощущают как мир особый и в географическом, и в лингвистическом, и в историческом, и в экономическом и во многих других смыслах. Это «третий мир» Старого Света, не составная часть ни Европы, ни Азии, но отличный от них и в то же время им соразмерный» (7).

Для будущего России, считали евразийцы, необходимо закончить дело Петра I, то есть «вслед за тактически необходимым поворотом к Европе совершить органический поворот к Азии» (8). При этом подчеркивалось, что Россия отличается от Германии или Франции, в основе которых лежит национально-государственное единство. Основой России является культурно-материальное единство.

Не все евразийцы предлагали отвернуться от Европы – напротив. Но для того, чтобы «сблизиться с Европой, нужно стать духовно и материально независимыми от нее». Евразийцы утверждали, что Россия может быть независимой. «Она представляет своеобразную географическую среду, в своих простых, широких очертаниях резко отличную от дробного строения Европы» (9).

Более категоричен был Н.С. Трубецкой. По его мнению, евразийский мир представляет собой «замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое», которое отличается как от «собственно Европы, так и от собственно Азии». И далее он подчеркивает, что сама природа указывает народам Евразии «необходимость объединиться и «создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом». Россия не должна быть «провинцией европейской цивилизации». Европейский образ мысли рассчитан на «совершенно иной психологический тип людей». Задача России в будущем состоит в том, чтобы осознать, наконец, свою подлинную природу. Необходимо «созидание самостоятельной и самодовлеющей русско-евразийской культуры на основаниях, совершенно отличных от духовных основ европейской цивилизации» (10). Это максималистское утверждение Трубецкого не раз подвергалось критике со стороны оппонентов евразийства.

Один из основателей евразийства Георгий Владимирович Вернадский видел главным фактором формирования Российской империи только географическую среду. Поэтому каждый из пяти разделов изданной в 1927 г. Евразийским книгоиздательством в Праге монографии «Начертание русской истории» содержит в названии слова «лес» и «степь» (11).

Идеи, изложенные Г.В. Вернадским в «Начертании русской истории», легли в основу ряда концепционных положений евразийства: нет двух Рос-

сий, «европейской» и «азиатской», а есть только одна Россия – «евразийская» или «Россия – Евразия»; непрерывное поступательное движение русских на восток не является «империализмом», а «неустранимой внутренней логикой месторазвития»; русский народ не только применился к своему месторазвитию, но в большой степени и сам создал это свое месторазвитие (12).

Некоторые историки евразийского движения утверждают, что оно возникло на базе славянофильства. Но это не так. Хотя многие взгляды как будто бы почерпнуты у славянофилов, что видно из основных положений славянофильства.

Идеи славянофилов наиболее полно освещены в серии статей русского философа Николая Яковлевича Данилевского, опубликованных в 1869 г. в журнале «Заря», а затем вошедших в его труд «Россия и Европа», вышедший в 1871 г. Уже здесь, в основных его главах, рассматриваются культурные и политические отношения Славянского мира и Германско-Романского, сложность, а подчас и враждебность взаимоотношений Европы и России; ставятся вопросы о принадлежности России к Европе и о тождественности европейской цивилизации с общечеловеческой; определяются культурно-исторические типы и законы их развития; предпринята попытка выяснения различий в характере народов, их «психическом строе», а также влияние на них «исторического воспитания». И все это приводит автора к основному выводу славянофилов: «европеизация – болезнь русской жизни», а спасенье – «всеславянский союз» (13).

Славянофилам принадлежит приоритет выдвижения русской «национальной идеи». С иронией писал о «русской национальной идее» Ф.М. Достоевский, которую славянофилы определили формулой «всемирного общечеловеческого единения». Начало ему, по их мнению, положит «всеславянское единство». «Примирительной мечтой вне науки» назвал Ф.М. Достоевский эту «национальную идею» (14). Кстати, его взгляды оказали непосредственное воздействие на формирование евразийского идейного течения. Именно у Достоевского евразийцы находят важный ориентир: «В грядущих судьбах наших может быть Азия – то и есть наш главный исход» (15), – писал Достоевский, а позже дополнял, что русские не только европейцы, но и азиаты.

Евразийство ощутило на себе отпечаток двух противоречивых и даже враждебных друг другу русских идейных течений: славянофильства и западничества. Не случайно в трудах евразийцев мы находим многое из взглядов славянофилов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, западников И.С. Тургенева, П.Я. Чаадаева и М.Н. Каткова. Но ни одного из этих двух течений евразийцы не приемлют. Их взгляды оригинальны и составляют полностью самостоятельное идейное направление. Первые евразийцы, далекие от политических амбиций лидеров белой эмиграции, считали, что главным является сохранение «евразийской общности». Именно поэтому они считали вполне

исторически обоснованными империю Чингисхана, Московское государство, Российскую империю, СССР – как преемственные формы евразийского объединения.

Идеологи евразийства создали концепцию исторического, геополитического, культурного, этнографического единства России – Евразии, которая, по их представлению, является особым геоприродным, историческим и социокультурным миром.

«Неосознанное» евразийство. Основатели евразийства особое внимание обращали на сохранение евразийского пространства. В 1926 г. П.Н. Савицкий, говоря о «естественности» границ России, отмечал, что «несмотря на страшные потрясения войны и революции», в общем и целом, с отклонениями в обе стороны, «границы Евразии совпадают с границами Русской империи» (16).

Евразийцы не раз отмечали, что «существо русско-евразийской идеи осталось *неосознанным* (выделено мной. – *И.О.*) и даже искаженным, правда, лишь в призванном его осуществлять правящем слое» (17). Эта неосознанность, по мнению евразийцев, была характерна и для советских руководителей. Идея евразийства, писал П.Н. Савицкий в 1933 г., «живет в СССР, но только не осознает в нем своего существования» (18). Русская революция, продолжает он, покончила с Россией как частью Европы. «Она обнаружила природу России как особого исторического мира. Но в настоящее время (т.е. в середине 30-х гг. XX в. – *И.О.*) это не более как намек и задание. Цель евразийцев – реализовать его в исторической действительности» (19).

П.Н. Савицкий реально оценивает ситуацию в Советской России с точки зрения сохранения евразийской тенденции, особенно в связи с национально-лингвистической политикой. «Давая свободу и простор употреблению и развитию всех многообразных языков Евразии, коммунистическая власть, несомненно, примыкает к здоровой и творческой евразийской традиции» (20). Однако евразийцы считают утопическим, фиктивным «коммунистический интернационализм» в качестве руководящего принципа в жизни СССР. Таким принципом они считают «общеевразийский национализм».

Отношение евразийцев к советскому режиму было довольно сложным и противоречивым. С одной стороны, они, конечно, были противниками коммунизма. А с другой, их враждебное отношение к западной либеральной демократии делало их якобы союзниками советских властей, что было предметом злобных нападок на евразийцев со стороны их «собратьев» по эмиграции. Евразийцы ориентировались на «третий путь», но подробно эту тему они не развивали.

Евразийцы признавали, что в СССР русский народ есть и будет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию и принимающих участие в управлении ею. Эта перемена роли русского народа в государстве ставит перед русским национальным самосознанием ряд проблем. Для того чтобы отдельные части бывшей Российской империи про-

должали существовать как части одного государства, необходимо существование «единого субстрата» государственности. «Национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая *многонародная нация* (выделено мной. – *И.О.*) и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – **Евразией**, ее национализм – **евразийством**» (21), – отмечал Н.С. Трубецкой.

В опубликованной в 1925 г. в Берлине работе «Наследие Чингисхана» он отмечал, что в советской внешней политике проявляется «отказ от фальшивых славянофильских и панславистских идеологий, отказ от подражания империалистическим замашкам великих европейских держав. По отношению к Востоку впервые взят правильный тон, соответствующий исторической сущности России – Евразии: впервые Россия признала себя естественной союзницей азиатских стран... Во внутренней политике следует отметить отказ от русификаторства, органически чуждого исторической стихии России...» (22).

Пражские евразийцы не случайно подчеркивали схожесть многих их идей евразийского государственного устройства с советской концепцией многонационального государства. В постановлениях ЦК ВКП(б) по национальному вопросу проявлялось своеобразное «неосознанное евразийство». Достаточно обратиться к истории образования СССР, чтобы увидеть явное стремление советских лидеров сохранить единое государственное пространство Российской империи. Не вдаваясь в подробности сложного процесса решения национального вопроса в СССР, следует обратить внимание на два диаметрально противоположных друг другу варианта государственного строительства (23).

Накануне официального провозглашения Союза Советских Социалистических Республик в центральном партийном руководстве и особенно в республиканских партийных организациях развернулась бурная дискуссия по поводу объединения. Основной проект, выдвинутый И.В. Сталиным и поддержанный С.М. Кировым, С. Орджоникидзе, Д. Мануиловым и другими, предусматривал вхождение национальных республик в РСФСР, и, как указывалось в письме секретаря ЦК Компартии Украины Д.З. Мануиловского И.В. Сталину 4 сентября 1922 г., – «ликвидацию самостоятельных республик и замену их широкой реальной автономией» (24). Этот проект был принят 24 сентября комиссией ЦК РКП(б) и получил название «автономизации», или федерации, основанной на автономии.

Другой, ленинский вариант предусматривал федерацию, основанную на договорных началах. Вокруг вопроса об объединении развернулась ожесточенная борьба. Против ленинского проекта резко выступил Ф.Э. Дзержинский, за что он – по национальности поляк – был обозван Лениным «великодержавным русским держимордой». Тяжело больной В.И. Ленин 27-го сентября 1922 г. в беседе с И.В. Сталиным подверг резкой критике идею «авто-

номизации», считая ее ошибочной, умаляющей права национальностей. Одновременно он продиктовал письмо к членам Политбюро ЦК РКП(б), настаивая на создании «федерации равноправных республик» (25). 6 октября 1922 г. пленум ЦК РКП(б) принял Резолюцию о заключении договора между независимыми советскими республиками (включая РСФСР) об их объединении в Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза (26).

«Автономизация», конечно, была более близка к сохранению старого административно-государственного устройства Российской империи, а очень быстрое, произвольное, без какого-либо обоснования определение государственных границ каждой из советских республик привело к серьезным проблемам в их взаимоотношениях. Что же касается провозглашенного «права наций на самоопределение вплоть до отделения», то, по мнению классических евразийцев, этот принцип мог сыграть опасную роль в будущем. Некоторые из них даже со всей определенностью заявляли о бомбе, подложенной под российскую государственность.

Евразийцам больше импонировала идея «автономизации», которая в перспективе должна была привести к объединению народов России. Особое внимание они уделяли «культурной автономии» в рамках краевого или губернского территориально-административного деления Советского государства. Именно поэтому сторонники «автономизации» иногда назывались советскими «неосознанными евразийцами». В отличие от них противники «автономизации», которых философ А.С. Панарин называет представителями «раннего коммунистического романтизма», рассчитывали «на исчезновение национальных границ, отмирание государства и слияние народов в единую коммунистическую семью» (27).

В советское время немногочисленные исследователи, интересовавшиеся идеями евразийцев, считали, что их заслугой является определение «многонационального государства». Хотя евразийцы полагали, что России необходима «сильная централизованная власть», так как ее бесконечные просторы не содействуют раздробленности и требуют экономического и политического единства.

Один из лидеров евразийцев Н.Н. Алексеев был весьма радикален в оценке советской национальной политики. «Апеллируя к национальному самоопределению, – писал он, – коммунисты закладывали *мину замедленного действия* (выделено нами. – И.О.) под проповедуемый ими интернационализм» (28). «Так были созданы большевиками многочисленные национальные республики среди народов, которые до этого ни о какой автономии не думали» (29).

В Советском Союзе, конечно, не было какого-либо оформленного евразийского идейного течения. Но были яркие личности, научно разрабатывавшие проблемы евразийского пространства, пытавшиеся выяснить его прошлое и наметить будущее. Среди них, прежде всего, следует назвать Льва Николаевича Гумилева, работы которого длительное время вызывали острые споры между этнографами, историками и географами.

Среди советских евразийцев выделяется и новгородский писатель Дмитрий Балашов. В сборнике новгородской писательской организации «Вече» Д. Балашов продолжает развивать идеи классических евразийцев, особенно в связи с их отношением к Западу. «Лучше или хуже наша история и мы сами стран и народов Западу? Не лучше и не хуже, мы – другие» (30). Многие во взглядах Д. Балашова совпадают с концепцией этногенеза Л.Н. Гумилева. Общим у них является «представление о том, что Россия – страна не европейская, а именно евроазиатская, что следование европейскому пути развития было в России ошибкой» (31).

Оценки советского евразийства были самыми разнообразными. В журнале «Звезда» в статье, озаглавленной «Советское евразийство», Б. Парамонов оценивает его как «культурно-политическую концепцию» (32). Автор пытается понять, «чем отличается нынешнее – советское – евразийство от первоначального» (33). Он видит это отличие в отходе от культурологической концепции к науке о природе – «русской природе, обусловившей традиционные черты русского исторического бытия» (34).

Л.Н. Гумилев видит корни евразийства все же в славянофильстве. «Именно в среде славянофилов зародилось научное направление, получившее название «евразийство». Его приверженцы, чьи труды у нас замалчиваются, исходили из того, что Россия имеет два начала – славянское и тюркское. Я считаю такой подход обоснованным и разумным, он плодотворен не только при рассмотрении вопросов прошлого, но и при решении сегодняшних проблем» (35).

В работах Л.Н. Гумилева, в его переписке с Г.В. Вернадским четко прослеживается не только новый этнографический подход («этногенез евразийских народов») к основам освоения евразийского пространства, но и стремление продолжить изыскания евразийцев относительно «пространственной преемственности» государств на территории Российской империи и Советского Союза. Гумилев подчеркивал, что евразийцы, прекрасно понимая суть советского государственного устройства, тем не менее, видели и определенную преемственность в развитии страны. Он обращал внимание на утверждение Н.С. Трубецкого, что «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация, и в качестве таковой обладающая своим национализмом» (36). Позже эту «многонародную нацию» он назовет «суперэтносом», имея в виду систему нескольких этносов. По существу это совпадает с брежневской формулой «советский народ – новая историческая общность». Но при этом Гумилев четко определял, что в цивилизационном плане именно русский этнос является носителем цивилизационного наследия всего евразийского пространства.

Исходя из взглядов Л.Н. Гумилева, видно, что определение четких государственных границ каждой из пятнадцати советских национальных рес-

публик было с самого начала искусственным, так как в дооктябрьской России, да и вообще в прошлом, таких границ не было. Поэтому он предвидел государственную непрочность стран после распада СССР.

Работы Л.Н. Гумилева заслуживают специального исследования. Его взгляды, конечно, отличаются от идей первых евразийцев, хотя он и называл себя «последним евразийцем». У Гумилева отчетливо видна трансформация классического евразийства в «теорию этногенеза». От евразийства он воспринял экологический детерминизм и «исторические циклы». Его концепция этногенеза и евразийской общности предполагает эволюцию России в качественно новый межнациональный союз народов. Гумилев считал, что только познание российскими народами смысла своего единства обеспечит им будущее своей национальной жизни (37).

Неоевразийство. В 80–90-е гг. XX в. предпринимаются попытки возродить евразийские идеи и дополнить их новыми оригинальными взглядами. Своеобразной идейной платформой неоевразийства стали труды Л.Н. Гумилева. Но по глубине исследований никто из неоевразийцев (за исключением, может быть, философа А.С. Панарина) не поднялся до уровня Л.Н. Гумилева, не говоря уже о классических евразийцах.

На рубеже двух веков в России и в некоторых других государствах СНГ возникли общественные организации, называвшие себя евразийскими. 21 апреля 2001 г. в Москве состоялся учредительный съезд Общероссийского политического общественного движения «Евразия». Были приняты программные документы и Устав Движения, в которых отражались очень широкие цели: от укрепления российской государственности до создания социального государства на основах историко-культурных традиций, евразийства, державности и пр. (38).

До съезда и после него проходили многочисленные конференции и диспуты, посвященные идеям евразийства. Они возродили интерес к евразийству, ознакомили с его главными идеями. Основное внимание при этом уделялось философским взглядам евразийцев, да и само евразийство больше оценивалось как оригинальное течение русской зарубежной философской мысли. Именно этой стороне евразийского течения были посвящены работы О.Д. Волкогоновой (39), Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской (40), Л.И. Гумилева (41), публикации в журнале «Вопросы философии» в 90-е гг. прошлого века, а также защищенные в эти же годы многие кандидатские диссертации по философии евразийства. Почти одновременно выходят работы в США, Германии и Франции, авторы которых (М. Раев, М. Бассин, Л. Люкс, У. Лакер, М. Ларюэль, П. Серио) рассматривают отдельные аспекты евразийских идей, сопоставляют их с западными идейными течениями, в частности с немецкой классической философией.

После распада СССР возникшая и заинтересовавшая многих идея создания Евразийского Союза умышленно замалчивалась новой властью либо искажалась. Президент РФ Б.Н. Ельцин пренебрежительно отзывался о предложении

президента Казахстана Н.А. Назарбаева создать Евразийский Союз. Н.А. Назарбаев сыграл большую роль в стимулировании становления неоевразийства как идейного течения, призванного продолжить научный поиск классического евразийства. Помимо его государственно-политической деятельности и инициатив по созданию и деятельности Содружества Независимых Государств Н.А. Назарбаеву принадлежит заслуга разработки ряда теоретических проблем евразийского пространства и его интеграционного потенциала (42).

Назарбаев обосновал идею более интенсивной интеграции евразийских стран: тесное экономическое сотрудничество, совместное решение оборонных, экологических проблем, создание общего культурного, информационного пространства. При этом он подчеркивал, что в интеграции этих стран «стержнем может стать именно Россия» (43). Ему же принадлежит авторство детального проекта «Формирование Евразийского Союза государств» (44). Однако все его идеи не нашли широкой поддержки среди российской правящей элиты (да и у среднеазиатских соседей и тем более у Украины) и в результате не стали основой конкретной реализуемой программы.

Характерные черты неоевразийства были изложены в материалах проведенного в мае 1994 г. «круглого стола», посвященного актуальным проблемам евразийства. Желая «приспособить» концепцию евразийства к российской ситуации 90-х гг. XX в., участники довольно острой дискуссии попытались выдвинуть проект модернизации России, выхода из острого кризиса. Не случайно поэтому сборник материалов «круглого стола» был озаглавлен как «Евразийский проект модернизации России» (45). Рассматривая перспективы «нового евразийского союза», участники проекта выдвигали чисто умозрительные варианты, сводившиеся к явно политизированным построениям.

Разработка проблем евразийства продолжается на страницах журнала «Безопасность Евразии» (2002–2008 гг.), а также в специальном издании «Становление евразийской безопасности» (М., 2005).

Среди неоевразийцев проявляются острые идейные и политические противоречия, о чем свидетельствуют материалы международной конференции, прошедшей в Барнауле в начале июня 2001 г. и посвященной «Евразийскому мировоззрению и потенциалу Сибири в XXI в.». А.В. Иванов, открывающий сборник материалов конференции, в связи с этим четко разграничивает современное антиевразийство, лжеевразийство и псевдоевразийство (46). Противоречия, существующие среди неоевразийцев, отразились и в материалах сборника статей, изданного Российским университетом дружбы народов (47).

Среди неоевразийцев существуют разнообразные, подчас противоречащие друг другу течения: от либеральных до крайне консервативных. Тем не менее, ставшие известными по своим работам А.Г. Дугин, В.В. Кожин, В.В. Малявин, Г.Д. Чесноков, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко и др. считают себя евразийцами. Многих из них объединяет антизападная тенденция.

Своеобразным стимулом для повышения интереса к идеям евразийства, а также для конституирования неоевразийского движения стало признание

значения и актуальности евразийских идей российским руководством. Выступая в Университете им. Л.Н. Гумилева 10 октября 2000 г. в Астане, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул: «Заряд, который несут в себе евразийские идеи, особенно важен сегодня, когда мы выстраиваем подлинно равноправные отношения между странами Содружества Независимых Государств. И на этом пути нам важно сохранить все лучшее, что накоплено за многовековую историю цивилизации и Востока, и Запада» (48).

Неоевразийство стало одной из значительных мировоззренческих платформ, но отнюдь не единой. Если А.С. Панарин и Б. Ерасов основное внимание уделяли теории и политике, подчеркивая национальное многообразие Евразии (49), то Э. Багратов и его журнал «Евразия» рассматривали в основном культуру и фольклор, славяно-тюркское смешение, а А. Дугин, представлявший крайне правое течение, в журнале «Элементы» проповедовал в основном политические взгляды антизападников (50).

У некоторых неоевразийцев по иному, нежели у евразийцев 20-х гг., трактуются отношения «Восток–Запад», которые в ряде случаев заменяются вертикалью «Север–Юг» (А. Панарин, А. Дугин). Вместо географического фактора, который у евразийцев являлся определяющим в развитии народов, неоевразийцы считают главными элементами биологический и этнический факторы (Л. Гумилев, А. Дугин). Сравнительный анализ важнейших постулатов классического евразийства и неоевразийства может предоставить возможность объективной оценки их различий, а также позитивных и негативных тенденций их мировоззрения для разработки важных проблем современного развития на евразийском пространстве и определения его будущего.

Наиболее глубокие размышления, во многом близкие и даже развивающие идеи евразийцев, принадлежат А.С. Панарину. Отдавая должное антизападным настроениям евразийцев, он распространяет их взгляды на современную ситуацию в мире. «Вестернизация означает не столько счастливое уподобление Западу по достижительным критериям «догоняющего развития», – пишет Панарин, – сколько разложение органической целостности незападных культур и появление на их месте неупорядоченных конгломератов, превращаемых в свалку технологических и социальных шлаков развитых стран» (51).

Особое внимание Панарин уделяет «духовной интеграции» на постсоветском пространстве. «Евразийскому пространству, бесспорно, нужны кропотливые организаторы и работники, предприниматели и эксперты, ибо наша повседневность захлавлена и запущена. Но никак не меньше ему нужны пламенные носители Веры и Смысла, ибо только взятое в духовном измерении оно обретает единство, притягательность и центростремительный потенциал. Никакие другие формы интеграции не могут дать надежного результата без духовной интеграции, связанной с обнаружением нового смысла истории» (52).

А.С. Панарин подвергает резкой и весьма аргументированной критике многие постулаты горбачевской внешней политики, которая базировалась на признании «общечеловеческих ценностей» и исходя из этого вела к колоссаль-

ным уступкам Западу. Следует иметь в виду, что определения «общечеловеческая цивилизация» и «общечеловеческие ценности» являются крайне неточными, если не сказать бессмысленными. Ведь за каждым из таких определений скрываются этнографические понятия. Поэтому европейская культура не может быть культурой человечества. Как отмечал еще в 1920 г. в Софии Н.С. Трубецкой, «это есть продукт истории определенной этнической группы» (53).

Идеи консервативного крыла неоевразийцев столь пространны и радикальны в геополитическом смысле, что они, возможно, и заслуживают специального изучения. Но поскольку они весьма далеки от классического евразийства, то нет смысла и возможности их рассматривать более детально. Ограничимся только упоминанием их некоторых геополитических постулатов.

Решительно выступая против однополярного мира, неоевразийцы в то же время отрицают возможность многополярности. Они провозглашают необходимость «новой биполярности». Но в чем новизна и отличие их биполярности от времен холодной войны, они не определяют, ограничиваясь туманным постулатом: «Новый евразийский биполяризм должен исходить из совершенно иных идеологических предпосылок и основываться на совершенно иных методиках» (!) (54). Сделав довольно много для переиздания трудов первых евразийцев, А.Г. Дугин не воспринимал их главные идеи, занимаясь в основном геополитикой и строительством «национальной религии». Под предлогом поиска «русской идеи» некоторые неоевразийцы проповедуют великодержавные устремления, что вовсе не было характерным для классических евразийцев.

Неоевразийство подвергалось критике не только в России, но и особенно острой – на Западе. Там выходит много работ, посвященных евразийству и неоевразийству. Их разбор заслуживает специального внимания. Но, пожалуй, в наиболее концентрированном виде отношение Запада к евразийству раннему и позднему изложено в книгах французской исследовательницы Марлен Ларюэль, особенно в ее последней, вышедшей в 2008 г. в Вашингтоне на английском языке, «Русское евразийство: идеология Империи» (55). Неоевразийство Ларюэль оценивает как самую изощренную из всех консервативных идеологий. Она считает, что постулаты классического евразийства используются неоевразийцами и политиками для продвижения своих политических проектов. А авторы этих проектов даже не пытаются глубоко изучить и критически осмыслить идейное наследие отцов-основателей (с этим нельзя не согласиться!). Значительную часть книги Ларюэль посвящает детальному разбору взглядов Гумилева, Панарина и Дугина, а также казахстанскому и турецкому евразийству, которые автор характеризует как «местный национализм».

Интерес к идеям евразийства, проявившийся после распада Советского Союза и в условиях общей геополитической нестабильности, не привел к каким-либо новым серьезным теоретическим изысканиям. Перенести евразийские идеи 20-х гг. XX в. на ситуацию конца века и начала нового было довольно сложно. Для этого нужны были глубокие научные исследования.

Но этого не произошло. Идеи евразийцев без их понимания и осмысления были использованы политиками самых различных направлений, от либералов до демократов, ради реализации своих узких партийных задач.

Разнообразные взгляды большинства неоевразийцев носят в основном умозрительный, общефилософский характер. Они никак не связаны с осмыслением современной социально-экономической и политической ситуации на постсоветском пространстве. Не учитываются и весьма определенные действия внешних факторов (прежде всего политики США и Евросоюза) в отдельных государствах СНГ. Именно поэтому неоевразийские проекты являются в своем большинстве утопическими. Только многофакторный, комплексный подход, сочетание теоретических, исторических, политических, экономических, географических, правовых и других исследований может способствовать определению реальных перспектив развития всего евразийского пространства и возможностей для России играть ключевую роль в этом развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. – 1996. – № 3. – С. 59.
- (2) См. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1987.
- (3) См., например: Кизеветтер А.А. Евразийство // Русский экономический сборник. 1925. – Кн. 3; То же // Филос. науки. – 1991. – № 12.; Кизеветтер А.А. Русская история по-евразийски // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: Евразийский соблазн. – М., 1997; Милюков П.Н. Русский «расизм» // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». – М., 1997.
- (4) См., например: Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». – М., 1997; К истории евразийства. 1922–1924 гг. – М., 1994; Пащенко В.Я. Идеология евразийства. – М., 2000; Пушкин С.Н. Евразийское учение. – СПб., 1999; Толстой Н. Истоки евразийства. – М., 1994; Чесноков Г.Д. Евразийство и проблемы современной России. – М., 1995.
- (5) Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 37; Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике. – М., 2007. – С. 406.
- (6) Там же. – С. 410.
- (7) Там же. – С. 410–411.
- (8) Там же. – С. 409.
- (9) Там же. – С. 411.
- (10) Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 1999. – С. 282–285.
- (11) Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб., 2000.
- (12) Там же. – С. 23, 281.
- (13) Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 265.
- (14) Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. – Л., 1978–1984. – Т. 25. – С. 19–20.
- (15) Там же. – Т. 27. – Кн. 2. – С. 32.
- (16) Савицкий П.Н. Континент Евразия... – С. 408.
- (17) Там же. – С. 410.
- (18) Там же. – С. 411.

- (19) Там же. – С. 412–413.
- (20) Там же.
- (21) *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана... – С. 500.
- (22) Там же. – С. 276.
- (23) См.: *Гилилов С. В.И.* Ленин – организатор советского многонационального государства. – М., 1960.
- (24) Там же. – С. 168.
- (25) См. «Ленинский сборник». XXXVI. – М., 1959. – С. 497.
- (26) И.В. Сталин не отстаивал больше идею «автономизации», а позже, по мере укрепления своей авторитарной власти, считал, что «сила центра» может обеспечить единство советского государства. Но главным для Сталина была реальная угроза – намерение Ленина снять его с должности Генерального секретаря ЦК, о чем Ленин сообщал в своем письме к членам ЦК.
- (27) *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. – М., 1999. – С. 175.
- (28) *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М., 1998. – С. 366.
- (29) Там же. – С. 368.
- (30) *Балашов Д.* И нужна любовь. – Новгород, май 1989 г. Спец. выпуск.
- (31) *Парамонов Б.* Советское евразийство // «Звезда». – 1992. – № 4. – С. 196.
- (32) Там же. – С. 195.
- (33) Там же. – С. 196.
- (34) Там же. – С. 197.
- (35) *Гумилев Л.* Человечность превыше всего // Известия. – 23 июня 1989 г.
- (36) Современная русская идея и государство. – М., 1995. – С. 29.
- (37) *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. – М., 1992. – С. 292–300.
- (38) См.: Программные документы Общероссийского Политического Общественного Движения Евразия. – М., 2001.
- (39) *Волгогонова О.Д.* Образ России в философии русского зарубежья. – М., 1998.
- (40) *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. – М., 1999.
- (41) *Гумилев Л.Н.* Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого // *Трубецкой Н.С.* История, культура, язык. – М., 1995. – С. 31–54.
- (42) См. *Назарбаев Н.А.* Евразийский Союз. Идеи, практика, перспективы. 1994–1997. – М., 1997.
- (43) Там же. – С. 31.
- (44) Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. – Алматы, 1994. – С. 3–12.
- (45) Евразийский проект модернизации России: «за» и «против» // Социальная теория и современность. – 1995. – Вып. 18.
- (46) Евразийское мировоззрение и потенциал Сибири в XXI в. – Барнаул, 2002. – С. 3–10.
- (47) Евразийская идея и современность. – М., 2002.
- (48) Евразийство. Теория и практика. – М., 2001. – С. 7.
- (49) *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М., 1995.
- (50) *Дугин А.* Мистерии Евразии. – М., 1996; *Он же.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1999.
- (51) *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. – М., 1999. – С. 25.
- (52) Там же. – С. 119.

- (53) Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана... – С. 33.
(54) См. Дугин А.Г. Основы геополитики. – М., 2000. – С. 162.
(55) Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. – Washington and Baltimor, 2008.

EURASIAN IDEA: ORIGINS AND EVOLUTION

I.I. Orlik

Centre of Political Studies
Institute of Economy
Russian Academy of Science
Novocheremushkinskaya Str., 46, Moscow, Russia, 117333

This article examines the political presuppositions and expanding intellectual impact of Eurasianism, that has a long and remarkably dense intellectual history stretching back to the 1920s (and with antecedents in the nineteenth century). The article is aimed to context and to bring together the many varieties of Eurasianism that have emerged over the 20th century.

Key words: Eurasianism, Russia, P. Savitskiy, N. Trubetskoy, G. Vernsdskiy, Neo-Eurasianism.